

Василий Окулович и Соломан (3)

А было во царсьви да в Золотой Орды:
А у того же у Василья сына Окуловиця
А заводилось пированьице-стол, поцесьён пир
А про многих хресьян, про руських бояров,
А про тех же купьцей-людей торговых,
А про тех же про сильние богатырей.
Ище все на пиру да напивалисе,
Ише все на цесном да наедалисе,
Ише все на пиру да пьяны-весёлы,
А ише все на пиру да сидят-хвастают.
Ише день-от идёт да день ко вецёру:
Красно солнышко катицьсе ко западу,
А ко западу катицьсе — ко закату.
А богатой-от хвастат золотой казной,
А богатырь-от хвастат да своей силою,
Ише силою-порою да боґатырьскою.
А Васильюшко по грынюшки похаживат,
Ише сам из рецей да выговарыват,
Ише сам говорит да таковы слова:
«А уж как все у нас во городи поженёны,
А девици-души красны взамуж выданы,
А только я один, Васильюшко, холостой хожу,
А холостой-де хожу, я нежонат слову.
А не знаете ле вы мне-ка где-й обручници,
А той-де души да красной девици?»
А тут большой-от кроицьсе за средьнёго,
А средней-от кроицьсе за меньшого,
А от меньшого, сидят, — долго ответу нет.
Из-за тоґо стола и-за передьнёго,
Из-за передьнёго стола и-за окольнёго,
Из-за тех же как есфов из-за сахарные,
А из-за тех же напитков розналисьниех
А выставаёт удалой доброй молодець,
А що по имени Торокашко да сын Заморенин.
А он поближе ко Васильюшку подвигаицьсе,

А он пониже тут Василью поклоняицьсе:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Окуловиць!
А я знаю где тебе ноньце обруцьницю,
А только не душу-не красну девицю:
А во том во царсьви да во Соломаном
А тут есь Соломадина Прекрасная!»
А говорил тут Васильюшко сын Окуловиць:
«Уж ты ой, Торокашко да сын Заморенин!
Ише как можно у мужа жона отнеть?..»
А Васильюшку реци прилюбилисе,
По ретивому серьцю да роскатилисе.
А говорил Торокашко да сын Заморенин:
«А уж ты ой, Васильюшко сын Окуловиць!
А оснашти-нареди черных три карабля:
Ише перв-от карабь да с плисом-бархатом,
А второй-от карабь да со напитьками,
А треть-ёт карабь да со канёлеми,
А со тема же со разныма со закусками!
А я пойду-де во царьсьво да ко Соломану
А привезу те Соломадину Прикрасную!»
А ише тут-де Василей да сын Окуловиць
Нагрузил тут Василей три черных карабля.
А выкатали якоря-та тут булатные,
А подымали паруса белы полотняны.
А им ведь по́ветерь пала да всё великая,
А великая по́ветерь й-удобная.
А приходят ко царю они ко Соломану:
А приходят ко стены да городовое,
Опускают паруса белы полотняны,
А кинают якоря да нонь булатные,
А вымётывают сходёнки дубовые.
А ише тут Торокашко да сын Заморенин
А пошол-де во царьсьво да ко Соломану.
А ише взял сибѣ подароцьки не малые,
А не малые подароцьки — во петъсот рублей.
А приходит ко царю всё да ко Соломану;
А стават-де на место да на гостиноё,
А где стоят тут ведь гости да всё заморьские.
А Соломана-царя в доме не слуцилосе —

А выходила тут царица всё Соломадина.
А говорыл Торокашко да сын Заморенин:
«А уж ты здрастуй, царица всё Соломадина!
А где же Соломан да сын Давыдовиць?»
А отвецяла тут царица да Соломадина:
«А Соломана-царя в доме не слуцилосе:
А уехал Соломан да на теплы воды,
А на те же на тихи на вёшны заводи
А стрелеть-де гусей да белых лебедей,
А тех же пернастых да малых утоцёк!..»
А говорил тут Торокашко да сын Заморенин:
«А уж ты ой еси, царица да Соломадина!
А прими мои подароцьки не малые,
А не малые подароцьки — во петьсот рублей!
А да пойдём-ко-се со мной на три карабля
А мои-то товары да всё обценивать,
А заморски товары да все прописывать.
А ише первой караб у мя с плисом-бархатом,
А второй караб у мя со напитками,
А третей караб да со канелеми.
А по пошлины у вас в городи торговать буду!»
А на ето царица да соглашаласе,
А в цветно платьё да одеваласе,
А пошла с Торокашком тут на три карабля
А те же товары да всё обценивать
А заморьски товары да все прописывать.
А тут Торокашко да вор догадлив был:
А не на тот ведёт караб, которой с плисом-бархатом,
А не на тот ведёт караб, которой со канелеми,
А на тот ведёт караб, которой со напитками.
А садил-де-ка царицю да за дубовой стол,
А ише тут-де царицю он угощать тут стал:
«А уж ты выпей-ко, царица да Соломадина —
А веселе тебе товары наши обценивать,
А веселе тебе товары наши описывать:
А како́му товару да нонь како́ цена,
А како где цена, како всё пошлина.
А по пошлины я в городи торговать буду!
А уж ты выпей-ко, царица всё Соломадина:

А ише перву-ту цяроцьку — для весельця,
А втору выпей цяру — всё для смелости,
А третью выпей цяроцьку — для сладости!»
А ише тут-де цариця да Соломадина
А ише где пила-ела, да тут и спать лёгла.
А ише тут Торокашко да вор догадлив был:
Обирал он как сходёнки дубовые,
А выкатал он якоря всё булатные,
А подымал паруса белы полотянны.
А ёму поветерь пала да всё великая.
А спала тут цариця да двои сутоцьки,
А на третьи-ти сутоцьки пробужаицьсе,
От великой-то хмелинушки просыпаицьсе.
Говорила сама она таковы слова:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець!
А куда ты везёшь меня, жону мўжнюю?
А за князя ты везёшь меня, за барина,
А за того за руського богатыря?
А за сябя ли везёшь, да доброй молодець?
А за Василья ле везёшь сына Окуловича?»
А говорил Торокашко да сын Заморенин:
«А не тужи ты, цариця Соломадина!
А не за князя везу я, не за барина,
Не за то́го за руського богатыря,
Не за сябя как — за дородьнёго добра молоцца,
А вёзу тибя за Василья за Окуловиця!»
А на это цариця да соглашаласе.
А приходят во царьсво да в Золоту-й Орду,
А приставают тут в гавань да в городовую
А к той же стены да белокамянной,
Опускают паруса белы полотняны,
А бросают якоря да тут булатные,
А вымётывают сходёнки дубовые.
А приходит как Василей тут сын Окуловиць,
А берёт тут царицю да за праву руку,
А ведёт тут царицю да во Божью церковь.
А весёлым тут пирком да всё ведь свадебкой —
А пировали-столовали тут ровно десеть дней...
А приежжаёт Соломан тут сын Давыдовиць —

А не стрецяёт Соломана молода жона,
Не снимаёт Соломана со добра коня,
А не цёлуёт Соломана в уста сахарные.
А выходит только девоцька-цернавоцька,
А ёго нонь слуга да была верная.
А говорыл где Соломан да сын Давыдовиць:
«А уж ты ой еси, девоцька-цернавоцька!
Ише где тут у мя да молода жона,
Ише та Соломадина Прекрасная:
Не стрецяёт меня, царя Соломана,
Не цёлуёт меня в уста сахарные,
Не снимаёт миня да со добра коня?
Во пирах ле она, але во беседушки,
А заморьски товары але прописыват?»
Говорит ёму девоцька-цернавоцька:
«Уж ты ой еси, Соломан да сын Давыдовиць!
А у тя нет Соломадины Прекрасное:
А приходил Торокашко тут сын Заморенин —
А увёз у тя Соломадину Прекрасную!»
А ише тут-де Соломан да сын Давыдовиць
А ише стал набирать силы охоцёе,
А нагрузил он как силой тут три карабля,
А пошол где во цярьсво да-й в Золоту-й Орду.
А выкатал он якоря да нонь булатные,
А подымал он паруса белы полотняны.
А ёму поветерь пала да всё великая.
А оставлял свою силу да он по трём местам,
А по трём-де местам да нонь по трём руцьям.
А сам он пошол да в Золоту-й Орду,
В Золоту где-й Орду сам, прокляту землю;
А тут своей силы да всё наказывал,
А тут своей могуцей наговаривал:
«А ой тут как сила моя могуцяя!
А я пойду где во цярьсво да в Золоту-й Орду
А ко тому же ко Василью сыну Окуловицю.
А повезут-де меня да всё на виселицю,
Заиграю я во турей рог ведь первой раз —
А вы, моя сила, шевелитесь-ко!
А заиграю я во турьёй рог второй тут раз —

А вы, моя сила, да нонь в дороги быть!
А заиграю я во турьей рог третьей тут раз —
А вы, моя сила, щобы тут вся при мне!»
А пошол-де во царсьво да в Золоту-й Орду
А к тому же к Василью сыну Окуловицю.
А идёт-де Соломан да ко красну крыльцю,
А идёт-де Соломан да на красно крыльцё,
А отпираёт тут двери да с крюков на пяту,
А крест-от кладёт да по-писаному,
А поклон-от ведёт да по-уцёному.
А не стрецяёт Соломана молода жона,
А не целуёт Соломана в уста сахарные.
Говорил тут Соломан да сын Давыдович:
«А уж ты ой, Соломадина Прекрасная!
А где тут Васильюшко сын Окуловиць?»
Отвецяла как тут ёго молода жона:
«А Васильюшка дома да не слуцилосе,
А ушол-де к обедњи да воскресень[с]кое!»
А ише тут-де Васильюшко сын Окуловиць
А идёт от обедњи да воскресеньское.
А говорил тут Соломан да сын Давыдовиць:
«А уж ты ой, Соломадина Прекрасная!
А ты куда будёшь девать меня, Соломана?»
А говорила Соломадина Прекрасная:
«А я откину перинушку пуховую,
А повалю тя на кроватоцьку тисовую,
А я закину перинушкой пуховое —
А сберегу я тебя, царя Соломана!»
А идёт-де Васильюшко во светлу грыню —
А повалилса тут Соломан да сын Давидовиць,
А ише тут-де цариця да Соломадина
А закинула перинушкой пуховое,
Сама села на кроватоцьку тисовую.
А приходит Василей да сын Окуловиць.
А говорит тут цариця да Соломадина:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Окуловиць!
А кабы был где Соломан да сын Давыдовиць —
А що бы над им тут стал ты (стал) делать нонь?..»
А говорил тут Василей да сын Окуловиць:

«А кабы был как Соломан да сын Давыдовиц[ь] —
А скоцил бы я, молодець, на резвы ноги,
А схватил со спицьки да саблю вострую,
Отрубил бы у Соломана буйну голову!»
А скоцила на кровать она тисовую,
А откинула перинушку пуховую:
«А руби-ко у Соломана буйну голову!»
А ише тут-де Василей да сын Окуловиць
А скоцил-де Васильюшко на резвы ноги,
А схватил где со спицьки да саблю вострую,
А хотел у Соломана срубить голову.
А ише тут-де Соломан да сын Давыдович:
«А послушай-ко, Васильюшко сын Окуловиць!
А не цесть тебе, хвала будёт голова срубить,
А не бещёсно ле тебе будёт мою кровь пролить?
А у нас-де цари-ти да не казняцьсе нонь,
Не казняцьсе они — да всё тут вешаюцьсе!»
А ты сострой-ко ты рей да превысокую;
А повесь тут, Васильюшко, три петёлки:
А перву ты петлю повесь шелковую,
А втору ведь петёлку — пенькову же,
Ише третью повесь да петлю липову.
А ты дави-тко меня, царя Соломана,
А ты дави-тко миня да нонь при публики —
А пройдёт эта славушка по всея земли:
А задавил ты миня, царя Соломана!»
А на то Васильюшко соглашаицьсе.
А тут-де ёго да молода жона,
А та Соломадина Прекрасная
Говорила она да таковы слова:
«Уж ты ой-де, Васильюшко сын Окуловиць!
А руби ты у Соломана буйну голову:
А Соломан-царь да нонь хитёр-мудёр,
А розорит всею у нас да Золоту-й Орду!»
А ише тут-де Васильюшко сын Окуловиць
Он повесил на спицьку да саблю вострую,
А сел-де Васильюшко на кленовой стул,
А тут-де Соломана угощать нонь стал.
А устроил-де рей да превысокую,

А повесил Васильюшко тут три петёлки.
А поехали давить они Соломана:
А поехал тут Васильюшко сын Окуловиць
А со той же Соломадиной Прекрасное,
А поехал Торокашко да сын Заморенин.
А говорил тут Соломан да сын Давыдовиць:
«А передни-ти колёса да ноньце конь везёт,
А ише задьни-ти колёса да ноньце цёрт несёт!»
А говорил тут Васильюшко сын Окуловиць:
«Нам сказали: „Соломан да нонь хитёр-мудёр”,
А наконець того Соломана глупе тут нет!»
А приехали ко реи да ко высокое.
А ише тут-де Соломан да сын Давыдовиць,
А ступил где Соломан да на первой ступень —
А говорил где Соломан да таковы слова:
«А уж ты ой-де, Васильюшко сын Окуловиць!
А дай-ко мне сыграть да нонь во турей рог!»
Говорыл где Васильюшко сын Окуловиць:
«А играй-ко, Соломан, да сколько надобно!»
А та Соломадина Прекрасная
Говорыла она да таковы слова:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Окуловиць!
А дави ты скоре царя Соломана:
А розорит-де у нас всю Золоту-й Орду».
А заиграл тут Соломан да сын Давыдовиць,
А да заиграл-де Соломан, сам приговарывал:
«А за тема же за руцьями да за прегрубума
У мя есь-де-ка тут да ясны соколы!»
А ступил где-ка Соломан да нонь второй ступень —
А говорил-де Соломан да таково слово:
«А уж ты ой еси, Василей да сын Окуловиць!
А позволь-ко-се мне сыграть во турьей рог
А во последни мне раз, во остадоцьни!»
А ёго-де как тут да молода жона,
А та Соло[ма]дина Прекрасная:
«А уж ты ой, Василей да сын Окуловиць!
А ты дави-тко скоре царя Соломана:
А Соломан-царь да нонь хитёр-мудёр,
А розорит-де у нас да Золоту-й Орду!»

А заиграл-де Соломан тут во второй раз:
«А за тема же за горами да высокима,
А за тема же за лесами да всё за тёмныма
А у мя есь-де-ка голубы кормлёные!»
Ише тут-де Соломан да сын Давыдовиць
А ступил-де Соломан да на третей ступень:
«А уж ты ой еси, Васильюшко сын Окуловиць!
А позволь-ко мне сыграть да ноньце третей раз,
А третей раз сыграть да мне во турей рог —
Во последней мне раз да в остадоцьний!»
А ёго где-ка тут да молода жона
А та Соломадина Прекрасная:
«А уж ты ой, Василей да сын Окуловиць!
А дави-тко скорее царя Соломана:
А Соломан-от царь да нонь хитёр-мудёр,
А розорит-де у нас да Золоту-й Орду!»
Говорил-де Василей да сын Окуловиць:
А уж ты ой, Соломан да сын Давыдовиць!
А играй-ко, Соломан, да сколько надобно,
А во последней ты раз да в остадоцьний!»
А заиграл-де Соломан да сын Давыдовиць,
А заиграл-де Соломан, сам приговарыват:
«А посмотри-ко ты, Василей да сын Окуловиць!
А мои-ти как голубы кормлёные
А твою-ту пшаницю белоярову
А они нацели клёвать ноньце без милости!»
А у того у царя да у Соломана
А навалилась тут как сила могуцяя —
А прибили-прирубили силу неверную.
А ише тут-де Соломан да сын Давыдовиць
А повесил Торокашка тут в петлю липову,
А царицю Соломадину — в пеньковую,
А Васильюшка повесил — да все[ё] шелковую.

(Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.